

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ ЧЕСТНОСТИ

• УНИВЕРСИТЕТСКИЕ
ПРЕМЬЕРЫ

ОТКРЫВАЕТСЯ ЗАНАВЕС, мы видим на железной койке мужчину средних лет, лысого и несильно помпотого. Он рассказывает зрителям, как обычно начинается его день. Говорит долго и делает то, что говорит, — ставит на пол ноги, надевает ботинки... Может быть, в начале спектакля такого текста «от автора» многовато. После его становится меньше или, может быть, его становится и некому, принимал «правила игры», предложенные режиссером. Сложная дилемма Станислава Садосского изображает строительные леса. На сцену выносятся (или их выносят) разные детали. То «монитор», то «приемная», то «кабинет», то «столовая». Эпизоды непременно играют в этих деталях и принужденно уступают место следующим...

ИТАК, Студенческий театр Дома культуры МГУ на улице Герцена показывает инспекировку рассказа Войновича «Хочу быть честным». Драматическая группа МГУ — один из тех столичных театров, куда трудно достать билет. Мы все позабыли, что театр этот самостоятельный, не профессиональный, хотя оба слова к нему совершенно не подходят. Это куда более профессиональный театр, чем многие профессиональные. Труппа

, которой руководит Сергей Ютевич, ставит себе задачи повышенной сложности; не всякий на них отважится.

Рассказ Войновича — о честности, без всяких широковетельных ее определений; о совести, без многозначительных ее украшений. О человеке, который всю жизнь работает старшим прорабом на строительстве. Есть в спектакле такая сцена: репортеру многотиражки непременно надо описать героическую биографию «строителя по призванию». А это значит, что «еще в детстве он складывал из кубиков дома и заводы, и что «еще в школе его тянуло на стройки и часто после уроков он бродил вокруг строительного института...» Увы — не бродил! Просто нынче был напротив госпиталя, где он лежал раненым, и на костылях было легче ходить туда... Единственное, чего хочет прораб, — это честно работать. Не работать честно вообще, а прямо так, каждый день. А что или кто мешает?

Оказывается, может мешать мно-

гое, даже свой же коллектив. Речь идет о недавних временах, когда на стройке жилых домов определяло успех все что угодно, только не качество. А за успехом и премиальные, и план, и вал, и переходящее знамя, и статьи в газетах... Но можешь мешать себе и ты сам. При всей привле-

Всеволод Шестаков в роли прораба Самохина.
Фото Г. Рейнгольда.

кательности прораба Самохина есть в нем некая солидность; и артист Всеволод Шестаков отнюдь не приукрашивает своего героя. Самохин как бы плывет по течению своей порядочности. Артист с поразительной точностью, с массой полутонов и нюансов, с само собой разумеющейся естественностью показывает весьма распространенный тип человека, которому за сорок, зашоренного ежедневным ритмом (встаю — моюсь — ем — иду на работу и так далее).

И в личной его жизни так. Есть врач Илава, разведенная жена. Он и ней, как это говорится, «ходит». Привык. Может быть, это любовь? Он не знает. Это ритм. Как то самое: встаю — умываюсь...

Однако на этот раз с Самохиным происходит иначе. От честности как ежедневной нормы личного поведения, продающейся сквозь большие и малые компромиссы, он переходит к честности как к общественному явлению. А это другое. И это трудно. Это почти как на фронте, где он был разведчиком. Компромиссы, сквозь ко-

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

торые ему приходится продирается, не обща! инятия. Они — люди и, между прочим, симпатичные. Не всегда, правда. Коллега прораб Сидоркин в блестящем исполнении Ю. Горина обаятелен, остроумен, умен. И поговорить с ним, и выпить, и послушать его артистические импровизации любо-дорого. Но его «хата» (трехкомнатная квартира со всеми удобствами) — с краю. Он сделает все, что прикажут, не рассуждая. Вот его позиция.

Или Ермошин, тоже прораб (И. Хаскин), интеллигентнейший. «Моральный кодекс» — это для рабочего времени, скорее даже для рабочей обстановки, и все прочее, поллитровочку «собразить» «на троих» или работную халтурную пропихнуть — это для себя...

Но есть самый большой компромисс прораба Самохина: Ситяев, начальник стройки. Это вторая главная удача спектакля. Л. Никольский играет страшно. Неумный, самоуверенный конъюнктурщик, доведенный исполнителем до высокого гротеска, вдруг в той или иной интонации оборачивается таким живым, что мороз по коже пробегает. Думаешь: никак! Это не гротеск, а живой конъюнктурщик. Скажет так внушительно: «На-

до сдать дом к этой дате!» И сдашь, и подмахнешь липовый акт.

Самохин было сдался на это «надо». Но пришла зеленая юность в лице галчонок-студента, не знающего всех этих компромиссов, не прошедшая его (Самохина) школы жизни, и удивилась: как это надо, когда дом не готов?

И Самохин не выдержал. Не надо! Конечно, не надо!

Про это спектакль.

РЕЖИССЕР-ПОСТАНОВЩИК Марн Захаров приближает к зрителю мир душевных переживаний героя. Он достигае этого «напыления», характерными скорее для кинематографа. Герой сидит на тахте у своей подружки. Она говорит ему что-то, а его обступили те, с кем он был днем: начальник, секретарша, официантка из столовой. Каждый говорит свое, слышны обрывки фраз. Герой решает главный вопрос: как же все-таки остаться честным? Жизнь есть жизнь. Только что она была здесь, как бы назвать, со всем переплетением человеческих интересов... Герой возвращается из этого мира к своей подружке, и наваждение исчезает. Выглядит так, что вначале даже и не поймешь, зачем эти люди были здесь. Но театр не спешит зрителю на помощь, и зритель принимает и это условие... Герой думает. В конце концов театр заставляет следить за его мыслью. Сложная, несценичная проза становится сценичной.

А. СВОБОДИН.